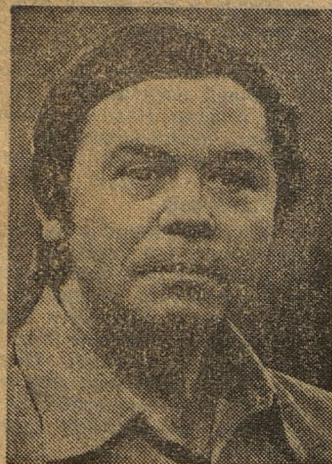

Валентин
РАСПУТИН:

ПЕРЕДО МНОЙ ОЖИВАЮТ КАРТИНЫ

Встреча с Валентином Распутиным нашего корреспондента В. Жегис произошла в дни, когда писателю была присуждена Государственная премия СССР за повесть «Живи и помни». Поэтому, естественно, первый вопрос именно о ней.

— Как родилась идея «Живи и помни»? Для меня самого эта книга прежде всего о женщине, о прекрасном, чисто русском характере, готовом к самопожертвованию, исполненном добра, самоотверженности, искренности, ответственности за близкого человека. Сначала в моем воображении родился образ Настены, а затем рядом с ней зажили и другие герои, которые могли стать и стали именно такими, а не иными. И прежде всего ее муж — Андрей Гуськов. Это сложный, неоднозначный образ. Я вообще не понимаю некоего арифметического разделения людей на положительных и отрицательных. Моя Настена, какой я ее видел, не могла бы полюбить такого человека, характер которого

можно было бы обрисовать одними черными красками. Другое дело — тот, кто встал на неверную дорогу, по-моему, неминуемо должен пройти по ней до конца. Такова правда жизни. Вот и Гуськов, став дезертиром, казалось бы, случайно, в зависимости от обстоятельств, поставил себя тем не менее, как это и должно было быть, вне людей, навлек несчастье не только на самого себя, но и на всех близких, прежде всего на Настену.

Был ли такой случай в жизни? Для писателя важно описать события так, чтобы у читателя и вопрос подобный не мог возникнуть, чтобы он воспринимал все происходящее в книге как суть и правду жизни, как некий независимый от случая первоисточник. Но если отвечать на этот вопрос, то да, был... Я помню, как недалеко от нашей деревни, в годы моего детства, обнаружили дезертира. Он долго скрывался, так же, как в повести, на берегу Ангары, жил, как бирюк, в сторо-

не от человеческого жилья. Было это уже после войны, в сорок пятом году. Видно уж очень озлобился, начал пакостить: убил теленка, у кого-то что-то украл, в общем, стал опасным. Я помню, как его везли по деревне, с каким осуждением, непониманием смотрели на него односельчане. И хотя был я тогда совсем мальчишкой, впечатление это глубоко, запало в душу и спустя годы вернулось, ожило...

Если говорить о прямых прототипах моих героев, то я могу назвать лишь старуху Анну из «Последнего срока». Этот образ во многом списан мной с бабушки, Марьи Герасимовны, простой русской женщины, прожившей долгую и добрую жизнь. Вообще бабушки наши, кажется, немало сделали для теперешней литературы. Вспомните, с какой любовью и благодарностью пишет Виктор Астафьев в «Последнем поклоне» о бабушке своей, Катерине Петровне. А сколько прекрасных страниц

посвятил своей бабушке Виктор Потанин.

Мне довольно легко было писать «Последний срок». Передо мной оживали картины того, как бабушка вот так же лежала на смертном ложе и конец своей жизни воспринимала спокойно и естественно, желая и в те, последние дни остаться полезной людям, ни в коем случае не быть им в тягость.

— Ну, а «Матёра»? Был ли «прототип» этой деревни? И старуха Дарья? Не повторяет ли она в какой-то мере Анну, о которой вы только что говорили? По своей житейской философии, по языку, наконец.

— Видите ли, Матёра — это не какая-то определенная деревня. Здесь я шел не от характера, а от проблемы. От того, что происходило и происходит на наших сибирских реках. Я не могу творить произвольно и пишу только то, что знаю и что мне представляется далеко не второстепенным. А знаю я об этих событиях не понаслышке. Моя родная деревня тоже в свое время попала в зону затопления в связи со строительством Братской ГЭС и вынуждена была перебраться на новое место. Перед наполнением Усть-Илимского моря я проехал по Ангаре и Илим, видел, как прощались с землей люди. Это не такой безболезненный процесс, как кажется, последствия его мы будем чувствовать долго. Вот и захотелось (я считаю, что это был мой долг) написать обо всем этом подробнее и глубже, чем в газетных очерках, показать, что происходит при подобных перестройках с людьми, и как вообще они к ним относятся.

Что же касается старухи Дарьи, она для меня как бы продолжение Анны. Я понимал, что тут есть опасность повториться и в характере, и в языке, и в жизненной философии, и все же пошел на это, потому что без такого характера, как Дарья, обойтись было невозможно. И еще потому, что старуха Анна в «Последнем сроке» не успела и не сумела в тех обстоятельствах сказать все, что она могла и

хотела высказать нам, людям нового поколения.

— Какие проблемы волнуют вас как писателя сегодня?

— Это прежде всего человек в нашем меняющемся мире, человек среди людей и человек в себе, изменения нравственного и психологического порядка, которые в нем происходят, причины и следствия этих изменений. И, вторых, природа и человек. Ведь тема «человек и окружающая его среда» — одна из самых важных тем современности.

Всегда ли строители достаточно бережно относятся к богатствам природы, не чувствуют ли они себя подчас только покорителями? Ведь что нарушено — не всегда восполнимо, а в условиях северной тайги и вечной мерзлоты тем более. Литература должна более зрело, с большей страстью и болью, как Виктор Астафьев в «Царь-рыбе» или как Владимир Чивилихин в своих очерках и повестях, говорить об этих проблемах.

— Но вернемся, Валентин Григорьевич, к теме нашей беседы. Читателей нашего «Клуба книголюбов» интересует круг вашего чтения, ваши любимые книги и писатели.

— Любимые книги — это те, которые помогают в работе. В моей домашней библиотеке, кроме художественной литературы, — книги по истории нашей Родины, издания по русскому фольклору. Надо заметить, что фольклор сейчас стали издавать больше, но все же еще недостаточно, потому что потребность — не просто интерес, а настоящая потребность в нем — у читателя с каждым днем растет. Это относится и к книгам по памятникам культуры прошлого, по истории России.

Мои литературные пристрастия? Люблю таких несхожих между собой художников, как Федор Достоевский, Иван Бунин, Михаил Булгаков и Андрей Платонов. Из современных писателей мне близки Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Сергей Залыгин, Юрий Бондарев, Георгий Семенов, Василь Быков. Не пред-

ставляю себе современной литературы без этих и других писателей, без тех важнейших нравственных проблем, которые они ставят в своих произведениях.

— Какими, с вашей точки зрения, должны быть взаимоотношения между писателем и читателями?

— Говорят, что писатель должен быть впереди читателя, но что значит «впереди»? Писатель должен уметь почувствовать то, что особенно заботит и тревожит людей, «нащупать», если можно так выразиться, «болевы» точки читателя, о которых он, быть может, вполне еще не знает, но которые существуют и требуют выражения и разрешения. «Впереди» это или «вровень» — не так уж и важно; важны писательская чуткость при выявлении подлинных проблем и точность при их выражении. Тогда и читатель не останется спокойным к книге, тогда он принимает написанное как свое собственное, переживает и откликается на него всем сердцем. Я твердо убежден в том, что в последнее время наш читатель очень изменился, стал активнее и грамотнее, он уже не бросается сломать голову за детективом и фантастикой, а ищет серьезное чтение. Наш советский читатель вообще особенный, какого, я думаю, нигде в мире больше нет. Например, потерю таких писателей, как Василий Шукшин, Александр Вампилов, Николай Рубцов, миллионы людей восприняли как личное горе. Это о многом говорит, и прежде всего о том, насколько народ доверяет своим писателям и ждет от них истинного слова о нашем времени и обществе. Вообще же, говоря об отношениях между читателем и писателем, следует заметить, что всякий писатель достоин своего читателя и всякий читатель достоин своего писателя.

— Ну, а в поэзии? Какие поэты, какая манера поэтического письма вам наиболее близки?

— Сам я никогда не писал стихов. Но поэзию, разумеется, люблю. Особенно мне близки поэты традиционного русского стиха, такие, как Владимир Соколов, Николай Рубцов, Анатолий Жигулин. Но, думаю, что поэзия, как и вся литература, должна быть хорошей и разной.

— Валентин Григорьевич, сейчас о вашем творчестве много пишут, критика подробно анализирует ваши книги. Каково ваше к этому отношение?

— Пишут даже чересчур много, можно бы и поменьше. За критикой всегда наблюдался один недостаток: ей легче тасовать знакомые имена, чем искать новые.

— Как вы относитесь к экранизациям и инсценировкам ваших произведений? Нравятся ли вам мхатовский спектакль «Последний срок» и намечаются ли творческие контакты с этим театром?

— Я прозаик. И именно в прозе чувствую себя более или менее уверенно. О театре этого сказать не могу. И все-таки, когда МХАТ предложил мне сделать инсценировку «Последнего срока», я согласился и попытался сделать все, чтобы мои герои получились и в сценической жизни. Я бывал на репетициях, разговаривал с актерами, с режиссерами и постепенно как бы «увидел» в сценической обстановке и мою героиню — старуху Анну (ее очень хорошо играет Н. Гуляева), и ее детей. МХАТ близок мне по духу. В планах этого театра сейчас — постановка «Живи и помни». Кроме того, Московский театр имени Ермоловой собирается поставить «Деньги для Марии».

— Будут ли сняты фильмы по вашим произведениям?

— Намерения такие есть, но пока это только намерения. Я потому так осторожно говорю об этом, что они были и раньше, но дальше намерений дело пока не шло.

— И в заключение традиционный вопрос: над чем работаете?

— Пишу новую повесть, но работы еще много.

— Будут ли новые издания ваших прежних повестей?

— Издательство «Советская Россия» в будущем году планирует выпустить сборник, в который войдут повести «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой».

КЛУБ
КНИГОЛЮБОВ

2

Валентин
РАСПУТИН:

Встреча с Валентином Распутиным нашего корреспондента В. Жегис произошла в дни, когда писателю была присуждена Государственная премия СССР за повесть «Живи и помни». Поэтому, естественно, первый вопрос именно о ней.

— Как родилась идея «Живи и помни»? Для меня самого эта книга прежде всего о женщине, о прекрасном, чисто русском характере, готовом к самопожертвованию, исполненном добра, самоотверженности, искренности, ответственности за близкого человека.

Сначала в моем воображении родился образ Настены, а затем рядом с ней зажили и другие герои, которые могли стать и стали именно такими, а не иными. И прежде всего ее муж — Андрей Гуськов. Это сложный, неоднозначный образ. Я вообще не понимаю некоего арифметического разделения людей на положительных и отрицательных. Моя Настена, какой я ее видел, не могла бы полюбить такого человека, характер которого

можно было бы обрисовать одними черными красками. Другое дело — тот, кто встал на неверную дорогу, по-моему, неминуемо должен пройти по ней до конца. Такова правда жизни. Вот и Гуськов, став дезертиром, казалось бы, случайно, в зависимости от обстоятельств, поставил себя тем не менее, как это и должно было быть, вне людей, навлек несчастье не только на самого себя, но и на всех близких, прежде всего на Настену.

Был ли такой случай в жизни? Для писателя важно описать события так, чтобы у читателя и вопрос подобный не мог возникнуть, чтобы он воспринимал все происходящее в книге как суть и правду жизни, как некий независимый от случая первоисточник. Но если отвечать на этот вопрос, то да, был... Я помню, как недалеко от нашей деревни, в годы моего детства, обнаружили дезертира. Он долго скрывался, так же, как в последнем эпизоде о бабушке жил, как бирюк, в сторо-

не от человеческого жилья. Было это уже после войны, в сорок пятом году. Видно уж очень озлобился, начал пакостить: убил теленка, у кого-то что-то украл, в общем, стал опасным. Я помню, как его везли по деревне, с каким осуждением, непониманием смотрели на него односельчане. И хоть был я тогда совсем мальчишкой, впечатление это глубоко, запало в душу и спустя годы вернулось, ожило...

Если говорить о прямых прототипах моих героев, то я могу назвать лишь старуху Анну из «Последнего срока». Этот образ во многом списан мной с бабушки, Марьи Герасимовны, простой русской женщины, прожившей долгую и добрую жизнь. Вообще бабушки наши, кажется, немало сделали для теперешней литературы. Вспомните, с какой любовью и благодарностью пишет Виктор Астафьев в «Последнем поклоне» о бабушке своей, Катерине Петровне. А сколько прекрасных страниц

посвятил своей бабушке Виктор Потанин.

Мне довольно легко было писать «Последний срок». Передо мной оживали картины того, как бабушка вот так же лежала на смертном ложе и конец своей жизни воспринимала спокойно и естественно, желая и в те, последние дни остаться полезной людям, ни в коем случае не быть им в тягость.

— Ну, а «Матёра»? Был ли «прототип» этой деревни? И старуха Дарья? Не повторяет ли она в какой-то мере Анну, о которой вы только что говорили? По своей житейской философии, по языку, наконец.

— Видите ли, Матёра — это не какая-то определенная деревня. Здесь я шел не от характера, а от проблемы. От того, что происходило и происходит на наших сибирских реках. Я не могу творить произвольно и пишу только то, что знаю и что мне представляется далеко не второстепенным. А знаю я об этих событиях не понаслышке. Моя родная деревня тоже в свое время попала в зону затопления в связи со строительством Братской ГЭС и вынуждена была перебраться на новое место. Перед наполнением Усть-Илимского моря я проехал по Ангаре и Илимю, видел, как прощались с землей люди. Это не такой безболезненный процесс, как кажется, последствия его мы будем чувствовать долго. Вот и захотелось (я считаю, что это был мой долг) написать обо всем этом подробнее и глубже, чем в газетных очерках, показать, что происходит при подобных перестройках с людьми, и как вообще они к ним относятся.

Что же касается старухи Дарьи, она для меня как бы продолжение Анны. Я понимал, что тут есть опасность повториться и в характере, и в языке, и в жизненной философии, и все же пошел на это, потому что без такого характера, как Дарья, обойтись было невозможно. И еще потому, что старуха Анна в «Последнем сроке» не успела и не сумела в тех обстоятельствах сказать все, что она могла и

хотела высказать нам, людям нового поколения.

— Какие проблемы волнуют вас как писателя сегодня?

— Это прежде всего человек в нашем меняющемся мире, человек среди людей и человек в себе, изменения нравственного и психологического порядка, которые в нем происходят, причины и следствия этих изменений. И, во-вторых, природа и человек. Ведь тема «человек и окружающая его среда» — одна из самых важных тем современности.

Всегда ли строители достаточно бережно относятся к богатствам природы, не чувствуют ли они себя подчас только покорителями? Ведь что нарушено — не всегда восполнимо, а в условиях северной тайги и вечной мерзлоты тем более. Литература должна более зрело, с большей страстью и болью, как Виктор Астафьев в «Царь-рыбе» или как Владимир Чивилихин в своих очерках и повестях, говорить об этих проблемах.

— Но вернемся, Валентин Григорьевич, к теме нашей беседы. Читателей нашего «Клуба книголюбов» интересует круг вашего чтения, ваши любимые книги и писатели.

— Любимые книги — это те, которые помогают в работе. В моей домашней библиотеке, кроме художественной литературы, — книги по истории нашей Родины, издания по русскому фольклору. Надо заметить, что фольклор сейчас стали издавать больше, но все же еще недостаточно, потому что потребность — не просто интерес, а настоящая потребность в нем — у читателя с каждым днем растет. Это относится и к книгам по памятникам культуры прошлого, по истории России.

Мои литературные пристрастия? Люблю таких несхожих между собой художников, как Федор Достоевский, Иван Бунин, Михаил Булгаков и Андрей Платонов. Из современных писателей мне близки Виктор Астафьев, Евгений Носов, Василий Белов, Сергей Залыгин, Юрий Бондарев, Георгий Семенов, Василь Быков. Не пред-

ставляю себе современной литературы без этих и других писателей, без тех важнейших нравственных проблем, которые они ставят в своих произведениях.

— Какими, с вашей точки зрения, должны быть взаимоотношения между писателем и читателями?

— Говорят, что писатель должен быть впереди читателя, но что значит «впереди»? Писатель должен уметь почувствовать то, что особенно тревожит и тревожит людей, «нащупать», если можно так выразиться, «болевы» точки читателя, о которых он, быть может, вполне еще не знает, но которые существуют и требуют выражения и разрешения.

«Впереди» это или «вровень» — не так уж и важно; важны писательская чуткость при выявлении подлинных проблем и точность при их выражении. Тогда и читатель не останется спокойным к книге, тогда он принимает написанное как свое собственное, пережитое и откликается на него всем сердцем. Я твердо убежден в том, что в последнее время наш читатель очень изменился, стал активнее и грамотнее, он уже не бросается слома голову за детективом и фантастикой, а ищет серьезное чтение. Наш советский читатель вообще особенный, какого, я думаю, нигде в мире больше нет. Например, потерю таких писателей, как Василий Шукшин, Александр Вампилов, Николай Рубцов, миллионы людей восприняли как личное горе. Это о многом говорит, и прежде всего о том, насколько народ доверяет своим писателям и ждет от них истинного слова о нашем времени и обществе. Вообще же, говоря об отношениях между читателем и писателем, следует заметить, что всякий писатель достоин своего читателя и всякий читатель достоин своего писателя.

— Ну, а в поэзии? Какие поэты, какая манера поэтического письма вам наиболее близка?

— Сам я никогда не писал стихов. Но поэзию, разумеется, люблю. Особенно мне близки поэты традиционного русского стиха, такие, как Вла-

димир Соколов, Николай Рубцов, Анатолий Жигулин. Но, думаю, что поэзия, как и вся литература, должна быть хорошей и разной.

— Валентин Григорьевич, сейчас о вашем творчестве много пишут, критика подробно анализирует ваши книги. Каково ваше к этому отношение?

— Пишут даже чересчур много, можно бы и поменьше. За критикой всегда наблюдался один недостаток: ей легче тасовать знакомые имена, чем искать новые.

— Как вы относитесь к экранизациям и инсценировкам ваших произведений? Нравится ли вам мхатовский спектакль «Последний срок» и намечаются ли творческие контакты с этим театром?

— Я прозаик. И именно в прозе чувствую себя более или менее уверенно. О театре этого сказать не могу. И все-таки, когда МХАТ предложил мне сделать инсценировку «Последнего срока», я согласился и попытался сделать все, чтобы мои герои получились и в сценической жизни. Я бывал на репетициях, разговаривал с актерами, с режиссерами и постепенно как бы «увидел» в сценической обстановке и мою героиню — старуху Анну (ее очень хорошо играет Н. Гуляева), и ее детей. МХАТ близок мне по духу. В планах этого театра сейчас — постановка «Живи и помни». Кроме того, Московский театр имени Ермоловой собирается ставить «Деньги для Марии».

— Будут ли сняты фильмы по вашим произведениям?

— Намерения такие есть, но пока это только намерения. Я потому так осторожно говорю об этом, что они были и раньше, но дальше намерений дело пока не шло.

— И в заключение традиционный вопрос: над чем работаете?

— Пишу новую повесть, но работы еще много.

— Будут ли новые издания ваших прежних повестей?

— Издательство «Советская Россия» в будущем году планирует выпустить сборник, в который войдут повести «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой».

Уважаемая редакция! В последнем выпуске Клуба книголюбов вы просите сообщить, с кем из писателей хотелось бы встретиться!

Мне нравятся книги Валентина Распутина. Хотелось, чтобы писатель рассказал о своей работе, о книжных пристрастиях.

В. ПЕТРОПАВЛОВ, инженер, СВЕРДЛОВСК.

288